

Некоторые результаты, полученные теоретиками ИТЭФ за семьдесят лет работы Института

М.И. Высоцкий,^{1,2,3,*} А.Д. Долгов,^{4,5,†} В.А. Новиков^{1,2,3,‡}

¹*Институт теоретической и экспериментальной физики им. А.И.Алиханова*

²*Московский физико-технический институт*

³*Московский инженерно-физический институт*

⁴*Университет Феррары (Италия)*

⁵*Новосибирский государственный университет*

---

* vysotsky@itep.ru

† dolgov@fe.infn.it

‡ novikov@itep.ru

Введение

Перед организованной в декабре 1945 года Лабораторией №3 (впоследствии переименованной в Институт теоретической и экспериментальной физики, сейчас – ИТЭФ им. А.И. Алиханова) были поставлены конкретные задачи по созданию ядерных реакторов. Позднее, в конце 50-х – 60-х годов перед Институтом стояла задача проектирования протонных ускорителей с жесткой фокусировкой. Теоретики ИТЭФ внесли важный вклад в решение этих задач, однако прикладная тематика в работе теоротдела всегда сопровождалась фундаментальными исследованиями. Полученным в теоротделе фундаментальным результатам и посвящена эта статья.

В декабре 1945 года руководителем всех теоретических работ Лаборатории №3 был назначен Лев Давидович Ландау (1908–1968, академик АН СССР), а в 1946 году главой теоротдела стал его ученик Исаак Яковлевич Померанчук (1913–1966, академик АН СССР). Л.Д. Ландау до 1958 года работал в ИТЭФ по совместительству и регулярно участвовал в семинарах. В штат теоротдела с момента организации ИТЭФ наряду с Померанчуком входили Владимир Борисович Берестецкий и Алексей Дмитриевич Галанин.

В конце этого краткого введения дадим ссылку на статью [1], посвященную выполненным в ИТЭФ теоретическим работам и написанную в связи с шестидесятилетием Института.

Квантовая электродинамика

В 1939–1946 гг. И.Я. Померанчуком разработана теория излучения релятивистских электронов в магнитном поле (магнитотормозное, или синхротронное, излучение) [2, 3]. В применении к космическим лучам это излучение устанавливает верхний предел для энергий, с которыми могут поступать на поверхность земли электроны и позитроны, входящие в состав первичных космических лучей. Это же излучение делает невозможным построение кольцевых e^+e^- -коллайдеров на очень высокие энергии: планируемые в настоящее время e^+e^- -коллайдеры на полную энергию в несколько сотен ГэВ (несколько ТэВ) являются либо линейными (ILC, международный линейный коллайдер; CLIC, компактный линейный коллайдер), либо имеют очень большой радиус при относительно низкой энергии (FCC- ee , будущий кольцевой коллайдер с длиной кольца 100 километров). В настоящее время электронные кольцевые накопители используются как источники синхротронного излучения, эксперименты с которым дают существенный вклад в развитие атомной и молекулярной физики, физики твердого тела, в изучение катализа, в материаловедение и биофизику.

Для нахождения волновых функций фотона в 1947 году В.Б. Берестецким была

разработана теория шаровых векторов и с ее помощью построена теория бета-гамма корреляций при распадах ядер [4].

В 1948 году Померанчук обратил внимание на то, что два сорта позитрониев (e^+e^- -атомов) – ортопозитроний, в котором спины электрона и позитрона складываются в суммарный спин единицу, и парапозитроний, в котором они складываются в суммарный спин ноль, – должны иметь существенно разные времена жизни (речь идет об основных состояниях позитрониев с нулевым орбитальным моментом) [5]. Дело в том, что для ортопозитрония двухфотонная аннигиляция запрещена, и он распадается на три фотона, живя примерно в тысячу раз дольше, чем парапозитроний. Невозможность распада ортопозитрония на два фотона легко пояснить, используя сохранение зарядовой четности (C) в электромагнитных взаимодействиях. C -четность e^+e^- -пары равна $(-1)^{l+s}$, где l – орбитальный момент пары, а s – суммарный спин. В основном состоянии $l = 0$, поэтому у парапозитрония оно C -четно, а у ортопозитрония – C -нечетно. Отрицательная зарядовая четность фотона запрещает распад C -нечетного основного состояния ортопозитрония на два фотона. Аналогичный механизм приводит к большому времени жизни J/ψ -мезона, являющегося связанным состоянием очарованных $c\bar{c}$ -кварков. Имеющий спин единицу J/ψ не может распадаться на два глюона; распад идет на три глюона, и его вероятность подавлена кубом аналогичной постоянной тонкой структуры α константы сильного взаимодействия α_s . Тот же механизм объясняет узость Υ -мезона, состоящего из прелестных $b\bar{b}$ -кварков (важна также большая масса c - и b -кварков; “константа” α_s уменьшается с ростом характерной энергии, роль которой играет масса тяжелого кварка).

Ознакомившись с результатом Померанчука об отсутствии распадов ортопозитрония на два фотона, Ландау в том же 1948 году доказал общую теорему, согласно которой два фотона не могут находиться в состоянии с полным моментом, равным единице [6]. В литературе это утверждение носит название теоремы Ландау–Янга; Ч.Н. Янг (США) пришел к такому же утверждению в 1950 году [7]. Эта теорема сыграла важную роль в определении квантовых чисел бозона H с массой 125 ГэВ, открытого в 2012 году на ЛНС: детектирование распада H на два фотона доказало, что его спин не может равняться единице (наиболее вероятно, согласно экспериментальным данным, значение спина ноль, как и должно быть для бозона Хиггса).

В работе Берестецкого и Ландау 1949 года [8] получен гамильтониан, описывающий систему e^+e^- с точностью до членов $\sim v^2/c^2$. В работе Берестецкого того же года этот гамильтониан использован для определения тонкой структуры уровней позитрония, в частности, найдено, что основной уровень ортопозитрония лежит выше основного уровня парапозитрония на величину $\Delta = (4/3 + 1)m\alpha^4/4$ (второй член в скобке соответствует аннигиляционной диаграмме) [9]. В этой же работе отмечена особенность эффекта Зеемана в позитронии: линейный по магнитному

полю сдвиг уровней отсутствует; в магнитном поле происходит смешивание орто- и парапозитрониев. Экспериментальное исследование влияния магнитного поля на распад позитрония позволило в начале 50-х годов измерить орто-пара-расщепление [10]. Теоретическая точность вычисления Δ находится сейчас на уровне поправок $\sim \alpha^7$, отвечающих трехпетлевым диаграммам, и согласуется с экспериментальными результатами, имеющими сравнимую точность [11].

В 1951 году Берестецким установлена фундаментальная теорема о противоположности внутренней пространственной четности фермиона и антифермиона [12]. Наряду с позитронием она важна также и при определении пространственной четности мезонов, являющихся связанными состояниями пары кварк-антикварк: s -волновые состояния с полным спином 0 и 1 (скажем, π - и ρ -мезоны) P -нечетны, так как $(-1)^{l+1} = -1$.

В 1952 году Галанин и Померанчук рассмотрели лэмбовский сдвиг в мюонном водороде – атоме, в котором место электрона занимает мюон [13]. Вследствие своей большой массы мюон находится в $m_\mu/m_e \approx 210$ раз ближе к ядру, чем электрон. Это приводит к качественному эффекту – в отличие от обычного водорода в лэмбовском сдвиге мюонного водорода доминирует изменение кулоновского потенциала протона на малых расстояниях, вызванное ростом постоянной тонкой структуры α . К этому росту потенциала более чувствительны s -уровни, поэтому уровень $2s$ оказывается связанным сильнее, чем $2p$, в то время как в обычном водороде уровень $2s$ за счет лэмбовского сдвига поднимается вверх относительно $2p$ -уровня. К сдвигу атомных уровней приводит также конечный зарядовый радиус протона r_p . Извлекаемое из спектра мюонного водорода с учетом лэмбовского сдвига значение r_p сильно (на уровне 5-8 стандартных отклонений) отличается от значения, следующего из спектра обычного водорода и экспериментов по $e p$ -рассеянию. В этом противоречии заключается современная проблема зарядового радиуса протона [14].

Сечение процесса аннигиляции $e^+e^- \rightarrow \mu^+\mu^-$, вычисленное Берестецким и Померанчуком в 1954 году, используется для нормировки сечений, измеряемых на e^+e^- -коллайдерах [15].

В работе 1956 года В.В. Судаков выделил и вычислил так называемые дважды логарифмические члены, определяющие асимптотическое поведение вершинных диаграмм в квантовой электродинамике при высокой энергии в произвольном порядке теории возмущений и просуммировал эти члены [16]. Появление дважды логарифмов связано с тем, что переносчиком взаимодействия в КЭД является фотон, частица со спином один. Согласно Стандартной Модели, переносчиками сильных и слабых взаимодействий также являются частицы со спином один, глюоны и $W^\pm$ - и Z -бозоны, соответственно. Поэтому формфактор Судакова играет важную роль наряду с квантовой электродинамикой также в сильных и слабых взаимодействиях при высоких энергиях. В качестве относительно недавнего применения квантово-

электродинамического формфактора Судакова отметим, что учет виртуальных и реальных фотонов ведет к подавлению инклюзивного сечения рождения Z -бозона в e^+e^- -аннигиляции фактором $\exp\left[-\frac{2\alpha}{\pi}\ln\left(\frac{M_Z^2}{m_e^2}\right)\ln\left(\frac{M_Z}{\Gamma_Z}\right)\right] \approx 0.7$ – малость константы α компенсируется дважды логарифмическим множителем благодаря большой массе Z -бозона, $M_Z \approx 91$ ГэВ.

Согласно решению уравнения Дирака для электрона в поле точечного ядра с зарядом Z энергия основного состояния водородоподобного иона, равняясь $W = m_e\sqrt{1 - (\alpha Z)^2}$, обращается в ноль при $Z = 137$ и при бóльших Z становится чисто мнимой. В работе 1945 года Померанчук с Я.А. Смородинским отметили, что учет конечного размера ядра устраняет корневую особенность в зависимости энергии от Z [17]. С ростом Z энергия становится отрицательной и при некотором заряде, названном в статье критическим, достигает величины $-m_e$. При этом, как отметили С.С. Герштейн и Я.Б. Зельдович [18], энергетически возможным становится рождение двух e^+e^- -пар из вакуума, при котором электроны занимают атомный уровень с энергией $-m_e$, а позитроны уходят на бесконечность. В работах В.С. Попова [19] проведено вычисление критического заряда, уточняющее результат Померанчука и Смородинского; показано, что волновая функция сильно связанного электрона сосредоточена вблизи ядра на расстояниях $\sim 1/m_e$, найдено время, за которое e^+e^- -пары рождаются из вакуума. Эти и многие другие результаты изложены в обзоре Зельдовича и Попова [20]. В дальнейших работах В.С. Попова с соавторами решается задача о рождении пар при столкновениях двух тяжелых ядер, когда эффективный заряд адиабатически увеличивается и достигает критической величины [21]. Так как $Z_{cr} \approx 175$, то обычно обсуждается столкновение двух ядер урана.

Величина Z_{cr} уменьшается во внешнем магнитном поле, так как происходит “поджатие” электронной орбиты к ядру, увеличивающее энергию связи электрона. Эффект становится существенным при полях $B \gtrsim B_0 \equiv m_e^2/e$. Согласно результатам В.Н. Ораевского, А.И. Реза и В.Б. Семикоза (ИЗМИРАН) [22] при $B \approx 100B_0$ ядро урана становится критическим, а при $B = 3 \cdot 10^4 B_0$ критическим становится ядро с $Z = 40$. Однако учет поляризации вакуума в сверхсильном магнитном поле $B > m^2/e^3$, приводящий к экранировке кулоновского потенциала (В.В. Усов, А.Е. Шабад, ФИАН) [23], качественно меняет описанную картину. Согласно полученным М.И. Высоцким, С.И. Годуновым и Б. Маше (Франция) результатам [24], ядра с $Z < 60$ не становятся критическими ни при каком Z , а ядра с зарядами в интервале $60 < Z < 210$ становятся критическими при существенно бóльших магнитных полях, чем без учета экранировки, и являются критическими в конечном интервале изменения B . Ядра же с $Z > 210$ являются критическими при любых значениях внешнего магнитного поля. Учет конечного размера ядра важен для определения области критичности.

Основой аналитического описания ионизации атомов, ионов и твердых тел ин-

тенсивным лазерным излучением является работа Л.В. Келдыша (ФИАН) [25]. А.М. Переломовым, В.С. Поповым и М.В. Терентьевым был развит метод мнимого времени для построения теории многофотонной ионизации атомов интенсивным лазерным светом [26]. Этот метод широко применялся В.С. Поповым с соавторами в физике сильных лазерных полей, в том числе в проблеме рождения e^+e^- -пар лазерным излучением из вакуума [27, 28].

Написанные В.Б. Берестецким в соавторстве с А.И. Ахиезером и Е.М. Лифшицем и Л.П. Питаевским монографии “Квантовая электродинамика” [29] и “Релятивистская квантовая теория” [30] (переименованная в “Квантовую электродинамику” в более поздних изданиях) на сегодняшний день остаются одними из лучших учебников в этой области. Первое издание первой книги появилось в 1953 году, и, как написал Ф. Дайсон (США), “эта книга является первой хорошей монографией по квантовой электродинамике и, вероятно, на долгое время останется лучшей”.

Ноль заряда и асимптотическая свобода

Ландау и Померанчук в 1955 году обнаружили, что поляризация вакуума полностью экранирует конечный точечный заряд в квантовой электродинамике [31]. Идея об исчезновении заряда была независимо высказана Е.С. Фрадкиным (ФИАН). В работах 1955–1956 годов Померанчука [32] и Померанчука, Судакова и К.А. Тер-Мартirosяна [33] было установлено, что такое же поведение заряда имеет место в юкавских теориях. Это явление было названо ноль заряда (или московский ноль). Малость постоянной тонкой структуры приводит к тому, что связанные с нулем заряда проблемы в КЭД начинаются при очень высоких энергиях $\sim m_e \cdot \exp(1/\alpha)$ (или на очень малых расстояниях $\sim \exp(-1/\alpha)/m_e$). В случае же сильных взаимодействий большая величина заряда делает квантовую теорию поля абсолютно неприменимой. Открытие нуля заряда привело к тому, что в последующие 15 лет развивались методы, основанные на таких общих принципах, как унитарность и аналитичность матрицы рассеяния. Теорией поля, основанной на лагранжевом подходе, мало кто занимался. Впоследствии оказалось, что, как и в случае многих других “no-go” теорем в физике, в утверждении о ноль зарядном поведении всех квантовых теорий поля имеется исключение. А именно, в неабелевых калибровочных теориях заряд ведет себя противоположным образом: с ростом энергии (или уменьшением расстояния) он падает, имеет место асимптотическая свобода. Это делает современную теорию сильных взаимодействий, основанную на неабелевой группе $SU(3)$, самосогласованной на малых расстояниях, на которых константа α_s становится маленькой. Проблемы наступают на больших расстояниях, когда заряд становится порядка единицы и методы теории возмущений не работают. Приходится ограничиться качественной картиной конфайнмента (пленения) кварков и глюонов

и результатами численных вычислений свойств адронов.

Впервые с противоречащим ноль зарядному поведением заряда в 4-мерной теории столкнулись В.С. Ваяшин (Днепропетровский университет) и М.В. Терентьев в 1965 году при изучении электродинамики массивных заряженных векторных бозонов [34]¹. В частности, в их работе можно найти первый коэффициент функции Гелл-Манна – Лоу КЭД, равный -7 за счет вклада массивных $W^\pm$ -бозонов. Амплитуда обнаруженного в 2012 году на эксперименте распада бозона Хиггса в два фотона содержит множитель $-7+16/9$, где -7 - вклад $W^\pm$, а $16/9$ – вклад t -кварковой петли. Свой результат по аномальному поведению заряда авторы [34] связали с неперенормируемостью теории с массивными векторными бозонами (то, что механизм Хиггса делает такую теорию перенормируемой, было выяснено значительно позже). В 1968 году И.Б. Хриплович (ИЯФ, Новосибирск) вычислил бег заряда в неабелевой калибровочной теории с безмассовыми векторными частицами, основанной на группе $SU(2)$ [36]. Его ответ для первого коэффициента функции Гелл-Манна–Лоу оказался равным $-22/3$, что превращается в -7 при учете вклада делающей векторные бозоны массивными голдстоуновской моды – заряженного бозона Хиггса: $-22/3+1/3 = -7$. Примерно в те же годы в экспериментах по глубоко неупругому рассеянию было обнаружено, что, если сильные взаимодействия описываются квантовой теорией поля, то заряд в такой теории с ростом энергии должен уменьшаться. В начале 70-х годов основанная на неабелевой группе $SU(3)$ теория с цветными глюонами и кварками (КХД) уже рассматривалась как теория сильных взаимодействий. В 1972 году на конференции в Марселе 'т Хофт в ходе обсуждений заметил, что согласно его вычислениям в этой теории заряд с ростом энергии падает. Подробное рассмотрение этих вопросов, включая анализ эволюции структурных функций протона в КХД было проделано в работах Политцера [37] и Вильчика и Гросса (США) [38] 1973 года. С тех пор КХД рассматривается как правильная теория сильных взаимодействий. В Стандартной Модели физики элементарных частиц, основанной на группе $SU(3) \times SU(2) \times U(1)$ имеются как заряды с асимптотически свободным поведением (g_3 и g_2), так и с ноль зарядным поведением (g_1 , а также константы связи бозона Хиггса с кварками и лептонами). Один из важных принципов построения теорий при высоких энергиях – отсутствие в них полюса Ландау, как стало сейчас называться явление поля заряда.

Аномалии

Иногда симметрии классической теории нарушаются при учете петлевых поправок. Наиболее известный пример – аксиальная симметрия, приводящая к сохране-

¹ Отсутствие зануления заряда в четырехфермионной теории в двумерном пространстве-времени ранее обнаружил А.А. Ансельм (ПИЯФ) [35].

нию аксиального тока в квантовой электродинамике безмассовых электронов, нарушаемая при учете треугольных диаграмм, описывающих переход аксиального тока в два фотона через электронную петлю. Рассмотрение дивергенции нейтрального изотриплетного аксиального тока позволило вычислить ширину распада $\pi^0 \rightarrow 2\gamma$ [39]. В работе М.В. Терентьева аналогичное рассмотрение позволило найти амплитуду перехода $\gamma \rightarrow \pi^+\pi^-\pi^0$ в пределе малых импульсов пионов [40]. В работе [41] им была предложена экспериментальная проверка полученного результата в фоторождении нейтрального пиона при когерентном рассеянии заряженного пиона на тяжелом ядре, осуществленная на ускорителе ИФВЭ [42]. Аналогичные процессы с участием K -мезонов в пределе малой массы s -кварка были изучены Вессом и Зумино [43]; их описание в терминах эффективного лагранжиана дано Виттенем [44].

Причиной аномалий является плохая сходимость интегралов, отвечающих фейнмановским диаграммам, в области большого импульса интегрирования. Однако, как отметили А.Д. Долгов и В.И. Захаров, аномальные амплитуды имеют ненулевые мнимые части $\sim \delta(q^2)$, где q^2 – импульс, входящий в вершину аксиального тока [45]. Этот инфракрасный аспект аномалии позволяет из их наличия получить некоторые заключения о спектре адронов, что на сегодняшний день невозможно сделать на основании лагранжиана КХД, так как на массовой оболочке взаимодействие является сильным. Особенность $\sim \delta(q^2)$ в диаграммах с виртуальными безмассовыми кварками u , d и s должны воспроизводиться диаграммами, в которых по внутренним линиям распространяются адроны. Единственная возможность реализации этого требования – иметь в спектре адронов безмассовые в пределе $m_{u,d,s} \rightarrow 0$ (псевдо)скалярные состояния. Ими является октет псевдоголдстоуновских бозонов $\pi^\pm$, π^0 , $K^\pm$, K^0 , $\bar{K}^0$, η . Это следствие инфракрасного аспекта аномалий было отмечено Е. Виттенем и С. Коулменом [46].

Слабые взаимодействия

В 1956 году для решения $\theta - \tau$ проблемы в распадах заряженных каонов Т.Д. Ли и Янг (США) предположили, что в этих распадах нарушается P -четность. Для проверки своей гипотезы о нарушении P -четности в слабых взаимодействиях они предположили, что в β -распадах поляризованных ядер может наблюдаться корреляция импульса рождающихся электронов и спина ядра вида $\bar{s}\bar{p}$. Так как эта корреляция является T -четной, то в силу СРТ-теоремы ее экспериментальное обнаружение означало бы также нарушение C -четности. Нарушение же C -четности разрушало объяснение установленной картины распадов нейтральных K -мезонов, согласно которой короткоживущий K_S , будучи C -четным, распадался на два π -мезона, а C -нечетный K_L жил долго, так как на два π -мезона распадаться не мог. Однако, как

заметили Б.Л. Иоффе, Л.Б. Окунь и А.П. Рудик в работе 1957 года [47], сохранение T -четности означает сохранение произведения C на P , а этого достаточно для запрета распадов $K_L \rightarrow 2\pi$, так как два π -мезона в s -волне образуют не только C , но и CP -четное состояние, K_L же CP нечетен. Таким образом наблюдение корреляции $\bar{s}\bar{p}$ не противоречит существованию долгоживущего K_L , а свидетельствует о нарушении C -четности в слабом взаимодействии. В то же время вышла работа Ли, Р. Оме и Янга (США) [48], в которой также указывалось на то, что корреляция спина и импульса (вскоре обнаруженная в эксперименте мадам Ц.С. Ву (США)) будет свидетельствовать как о нарушении пространственной, так и о нарушении зарядовой четности.

Нарушение дискретных симметрий в слабом взаимодействии стало причиной появления двух статей Ландау [49]. Первая из них, как в ней указывается, возникла из дискуссии с Л. Окунем, Б. Иоффе и А. Рудиком. В ней отмечено, что если предположить, что операция P -инверсии должна сопровождаться заменой частиц на античастицы, то законы природы остаются инвариантными относительно этого преобразования, названного в статье комбинированной инверсией. Подчеркивается, что в силу этой симметрии элементарные частицы не могут иметь дипольных моментов. Как мы знаем сейчас, комбинированная симметрия, или CP -четность, не является фундаментальным законом природы: в 1964 году были обнаружены распады долгоживущего нейтрального K_L -мезона на два π -мезона, нарушающие CP . Тем не менее, само понятие CP -симметрии оказалось исключительно плодотворным, как и поиски ее нарушения в распадах K - и B -мезонов. Дипольные моменты элементарных частиц в Стандартной Модели чрезвычайно малы, и на их поиски до сих пор тратятся чрезвычайные усилия (см. ниже).

Во второй статье замечено, что нарушение P -четности приводит к возможности существования новых свойств у безмассового нейтрино. В случае нулевой массы фермиона уравнение Дирака распадается на два не связанных уравнения, переходящие друг в друга при инверсии (уравнения Вейля). При отсутствии P -инвариантности нейтрино может описываться одним уравнением Вейля. Тогда нейтрино будет всегда продольно поляризованным, а антинейтрино будет поляризовано противоположным образом. Из экспериментальных данных по спектру электронов, образующихся в распаде мюона, делается вывод о том, что в этом распаде рождается пара $\nu\bar{\nu}$. Из операторов продольных нейтрино и антинейтрино можно составить только четырехмерный вектор, при этом из операторов мюона и электрона можно составить две комбинации – вектор и псевдовектор. Найдено распределение вылетающих электронов по энергии и углу между направлениями движения электрона и мюона (последнее направление задает поляризацию мюона, рожденного в $\pi \rightarrow \mu\nu$ -распаде). Отметим, что при построении Стандартной Модели все фермионные волновые функции выбираются в виде вейлевских спиноров.

Массы первоначально безмассовым фермионам дает механизм Хиггса. Теория двухкомпонентного нейтрино одновременно была предложена Ли и Янгом и А. Саламом (Великобритания).

В 1957 году Л.Б. Окунь и Б.М. Понтекерво (ОИЯИ) заметили, что малая разность масс K_1^0 и K_2^0 означает отсутствие переходов с $\Delta S = 2$ в первом порядке по слабому взаимодействию [50]. В 1960 году Л.Б. Окунь отметил, что вклад второго порядка определяется величиной обрезания Λ , которая должна быть порядка одного ГэВ'а [51]. Надежду на то, что столь низкое обрезание будет обеспечено сильным взаимодействием, не удалось реализовать: в работе Б.Л. Иоффе и Е.П. Шабалина 1967 года [52] показано, что сильные взаимодействия не приводят к обрезанию амплитуд процессов, идущих во втором порядке по слабому взаимодействию. Как мы знаем сейчас, это обрезание обеспечивается относительно малой массой s -кварка, $m_c \approx 1.3$ ГэВ, а соответствующий механизм GIM был предложен в 1970 году Ш.Л. Глэшоу, Дж. Илиопулосом и Л. Майяни (США, Франция, Италия) еще до открытия s -кварка.

После открытия b -кварка в работе 1980 года М.И. Высоцкий вычислил амплитуду $K^0 - \bar{K}^0$ -перехода в модели шести кварков, не предполагая малости массы t -кварка по сравнению с массой W -бозона [53] (в литературе описывающие эту амплитуду функции получили название функций Инами-Лима [54, 55]). В главном логарифмическом приближении были найдены также глюонные поправки к этой амплитуде. Отсутствие декаплинга (“отцепления”) тяжелых частиц в электрослабой теории ярко демонстрирует амплитуда $K^0 - \bar{K}^0$ -перехода, в которой имеются растущие при $m_t \gg M_W$ как m_t^2 вклады. Именно они определяют нарушение CP в смешивании $K^0 - \bar{K}^0$ в рамках шестикварковой модели Кобаяши–Маскава. Эти же вклады отвечают за смешивание $B^0 - \bar{B}^0$. Открытие в 1986 году в DESY коллаборацией ARGUS при активном участии экспериментаторов ИТЭФ неожиданно большого $B^0 - \bar{B}^0$ смешивания дало первое указание на аномально большую массу t -кварка.

В 1957–1958 гг. Л.Б. Окунь предложил составную модель, в которой все известные в то время адроны (этот общепринятый сейчас термин был введен в научный оборот Л.Б. Окунем в 1962 г.) предлагалось строить из трех “прачастиц” [56]. В этом было отличие от более ранней модели Сакавы, в которой адроны были построены из физических частиц – протона, нейтрона и лямбда-гиперона. На основании этой модели предсказано существование нонета псевдоскалярных мезонов и свойства двух его недостающих частиц (η - и η' -мезонов). Сформулированы правила отбора для полуплептонных распадов странных частиц: $|\Delta S| = 1$, $\Delta Q = \Delta S$, $\Delta T = 1/2$. На основе SU(3)-симметрии сильного взаимодействия в 1962 году И.Ю. Кобзарев и Л.Б. Окунь получили следствия для лептонных распадов мезонов [57]. Полный анализ лептонных распадов мезонов и барионов был проделан Н. Кабиббо (Италия) в 1963 г. Модель легла в основу известной монографии “Слабое взаимодействие эле-

ментарных частиц” (Л.Б. Окунь, первое издание 1963 г.) [58]. Эта модель была непосредственной предшественницей модели кварков.

Современная калибровочная теория электрослабых взаимодействий изложена в монографии Л.Б. Окуня “Лептоны и кварки” [59].

В работе М.В. Терентьева [60] доказано отсутствие линейных по нарушению изотопической симметрии поправок к слабому векторному току. Это утверждение позволяет определить численное значение элемента матрицы Кобаяши-Маскава V_{ud} из анализа β -распадов ядер, обусловленных векторным током. В литературе оно известно как теорема Адемолло-Гатто - аналогичное утверждение относительно нарушения $SU(3)$ симметрии, доказанное для меняющего странность векторного тока [61].

В работе 1974 года М.Б. Волошина, И.Ю. Кобзарева и Л.Б. Окуня был впервые рассмотрен в рамках квантовой теории поля вопрос о распаде ложного вакуума [62]. Его актуальность связана с тем, что экстраполяция хиггсовского потенциала Стандартной Модели в область планковских значений поля Хиггса при современных значениях масс t -кварка и бозона Хиггса приводит к утверждению о метастабильности вакуума электрослабой теории.

А.И. Вайнштейн (ИЯФ, Новосибирск), В.И. Захаров и М.А. Шифман построили в 1978 году эффективный гамильтониан нелептонных слабых распадов с учетом обменов глюонами в главном логарифмическом приближении [63]. Был обнаружен новый механизм усиления переходов с $\Delta T = 1/2$, обусловленный так называемыми “пингвинными” диаграммами – $s \rightarrow d$ переход с изучением глюонов. Эти результаты в дальнейшем были обобщены на случай шести кварков и имеют многочисленные приложения.

При исследовании моделей техницвета М.Б. Волошин, Л. Заскинд (США), В.И. Захаров, П. Сикиви (США) обнаружили глобальную $SU(2)$ - симметрию в модели Глэшоу–Вайнберга–Салама, которая остается ненарушенной при выпадении конденсата поля Хиггса [64]. Эта симметрия, названная в литературе “custodial” (“охранная”), отвечает за близость масс W - и Z -бозонов. Ее важность стала ясна при изучении радиационных поправок в электрослабой теории: именно нарушение охранной симметрии большой массой t -кварка позволило извлечь ее значение из прецизионных данных о параметрах W - и Z -бозонов с точностью ± 30 ГэВ, что облегчило экспериментальное открытие t -кварка на Тэватроне ФНАЛ (США) в 1995 году.

Е.П. Шабалин в 1978 году показал, что бытовавшая в литературе оценка величины дипольного момента нейтрона в шестикварковой модели CP -нарушения Кобаяши–Маскава ошибочна: суммарный эффект двухпетлевых диаграмм равен нулю (зануление d_n в одной петле очевидно) [65]. Ненулевой дипольный момент возникает на уровне трех петель, и, согласно вычислению И.Б. Хрипловича (ИЯФ, Но-

восибирск), он на много порядков меньше современного экспериментального ограничения [66]. Этот факт служит сильным стимулом к поиску ненулевого d_n : его обнаружение будет свидетельствовать о существовании Новой Физики за рамками Стандартной Модели.

В работе 1980 года И.Ю. Кобзарев, Л.Б. Окунь, Б.В. Мартемьянов и М.Г. Щепкин параметризовали матрицу смешивания нейтрино в наиболее общем случае наличия как дираковских, так и майорановских массовых членов [67].

Обсуждавшаяся в литературе антикорреляция потока солнечных нейтрино и активности Солнца в работах М.Б. Волошина, М.И. Высоцкого и Л.Б. Окуня [68, 69] была связана с возможным проявлением магнитного момента нейтрино. Эти работы стимулировали постановку ряда экспериментов по поиску магнитного момента нейтрино в России и за рубежом.

В работе 1978 года Б.Л. Иоффе и В.А. Хозе (ПИЯФ) предложили искать бозон Хиггса в реакции $e^+e^- \rightarrow ZH$ [70], что и было осуществлено на ускорителе LEP в ЦЕРН'е. Отрицательный результат поисков привел к нижнему ограничению на массу: $m_H > 114$ ГэВ.

Высокая точность измерения параметров Z -бозона на e^+e^- -коллайдерах LEP1 (ЦЕРН) и SLC (СЛАК) и массы W -бозона на e^+e^- -коллайдере LEP II и Тэватроне позволила произвести проверку электрослабой теории с учетом радиационных поправок. Перенормируемость электрослабой теории делает возможным вычисление таких поправок. М.И. Высоцким, В.А. Новиковым, Л.Б. Окунем и А.Н. Розановым были получены соответствующие формулы, выражающие измеряемые на эксперименте параметры через наиболее точно измеренные значения фермиевской константы G_F , массу Z -бозона M_Z и постоянную тонкой структуры на масштабе массы Z -бозона $\alpha(M_Z)$ [71–73]. На первом этапе (1991–1995 гг.) полученные результаты использовались для предсказания массы t -кварка. После открытия t -кварка на Тэватроне и измерения его массы было получено предсказание для массы бозона Хиггса в рамках Стандартной Модели $M_H = 80_{-20}^{+30}$ ГэВ, подтвердившееся ее измерением в 2012 году на LHC (ЦЕРН): $M_H = 125 \pm 1$ ГэВ.

Сильные взаимодействия

Научная слава теоретического отдела во многом обязана фундаментальным результатам Померанчука, полученным в этой области. В 1958 году, исходя из дисперсионных соотношений, им доказано асимптотическое равенство полных сечений взаимодействий частиц и античастиц с фиксированной мишенью (теорема Померанчука) [74]. В работах В.Н. Грибова (ПИЯФ) и Померанчука квантовомеханическая теория полюсов Редже была использована для создания последовательной картины процессов при асимптотически высоких энергиях [75]. В честь Померанчука реджевский полюс

с квантовыми числами вакуума, ответственный за выполнение теоремы Померанчука, получил за рубежом название “померон”. Дальнейшее развитие реджистика получила в работах К.А. Тер-Мартirosяна и А.Б. Кайдалова.

После создания КХД и открытия асимптотической свободы в сильных взаимодействиях теоретиками ИТЭФ был получен ряд фундаментальных результатов, ставших классическими. Так, в работе [76] была предложена наивная кварковая модель для глубоко-неупругих процессов, позволяющая “сшить” составную модель нуклонов с распределениями кварков и глюонов при больших переданных импульсах. В дальнейшем эти идеи были развиты в работах европейских теоретиков.

В работе [77] было осознано, что масса c -кварка m_c велика в масштабах Λ_{QCD} и можно учесть сильные взаимодействия в процессах с тяжелыми кварками, раскладывая по малой константе связи $\alpha_s(m_c)$. Так были вычислены сильные поправки к разности масс $K_L - K_S$ к фото- и электророждению чарма.

После открытия J/ψ -мезона в работах А.И. Вайнштейна, М.Б. Волошина, В.И. Захарова, В.А. Новикова, Л.Б. Окуня и М.А. Шифмана была построена дисперсионная теория чармония и написаны знаменитые обзоры [78, 79], ставшие настольной книгой для всех, кто занимался физикой тяжелых кварков. Дальнейшее развитие этих идей А.И. Вайнштейном, В.И. Захаровым и М.А. Шифманом [80] привело к знаменитым правилам сумм КХД, позволившим вычислять свойства адронов, построенных из легких u -, d - и s -кварков, в терминах вакуумных конденсатов. В работах В.М. Беляева, Б.Л. Иоффе, Я.И. Когана, В.Л. Елецкого и А.В. Смилги этот подход был использован в различных приложениях [81].

В работе 1976 года М.Б. Волошин и Л.Б. Окунь обсуждали возможность существования кварковых “молекул” – связанных состояний мезонов, содержащих тяжелые c -кварки [82]. В последние годы такие состояния были обнаружены в системах c - и b -кварков. Их свойства активно обсуждаются в литературе; М.Б. Волошиным развивается “молекулярный” подход; имеются и другие подходы к проблеме (в ИТЭФ физикой экзотических адронов занимаются А.М. Бадалян, Ю.С. Калашникова, А.Е. Кудрявцев, А.В. Нефедьев и Ю.А. Симонов [83]).

Точные результаты в КТП

Теоретиками ИТЭФ было получено несколько точных результатов в квантовой теории поля. Так, в работе Е.Б. Богомольного [84] был найден новый класс решения классических уравнений для теории калибровочных полей со скалярным конденсатом. Это так называемые BPS-монополи (Богомольный–Прасад–Зоммерфельд). Эти решения играют исключительно важную роль в $N = 2$ и $N = 4$ суперсимметричных теориях. В работах [85] были получены многочисленные точные соотношения для корреляторов и показано, что в сильных взаимодействиях глюолов и

гибридных состояний масштаб масс может на порядки превышать Λ_{QCD} .

В работах [86] для суперсимметричных теорий был построен формализм для описания суперинстантонов. Были доказаны теоремы об отсутствии поправок к инстантонным амплитудам. В результате был точно вычислен глюинный конденсат для суперсимметричных КХД и точная β -функция (так называемая NSVZ β -функция). В дальнейшем принстонской группой было показано, что суперинстантоны могут приводить к динамическому нарушению суперсимметрии.

Гравитация, космология

В работе В.В. Судакова, Е.М. Лифшица (ИФП) и И.М. Халатникова (ИФП) 1961 года обсуждалась сингулярность в основанных на ОТО космологических моделях [87].

В работе В.И. Захарова 1970 года [88] было показано, что введение сколь угодно малой массы гравитона противоречит наблюдательным следствиям ОТО (т.н. сингулярность Вельтмана–Ван Дама–Захарова). Механизм построения теории гравитации, которая имеет непрерывный предел к нулевой массе гравитона, был предложен в работе А.И. Вайнштейна [89] и обсуждался в целом ряде последующих работ.

В работе Зельдовича, Окуня и Пикельнера [90] в 1965 году была вычислена космологическая концентрация реликтовых кварков для случая, если бы они могли существовать в свободном виде. Полученный результат противоречил имевшимся ограничениям на обилия кварков во вселенной и таким образом однозначно свидетельствовал в пользу невылетания (конфайнмента) кварков. В этой работе было использовано кинетическое уравнение для расчета космологической концентрации тяжелых частиц, которое было впоследствии, в 1977 году, переоткрыто Б. Ли и С. Вейнбергом и носит их имя.

Кобзаревым, Окунем и Померанчуком была предложена и рассмотрена идея о зеркальной материи [91]. Это была пионерская теоретическая работа о возможном существовании темного вещества во вселенной. Впоследствии идеи о зеркальной темной материи развивались в ИТЭФ С.И. Блинниковым, см. обзор [92].

В работах Зельдовича, Кобзарева и Окуня [93] было обнаружено, что модель спонтанного нарушения CP-симметрии противоречит наблюдаемым данным об изотропии вселенной, т.к. гигантская плотность энергии стенки разделяющей домены вещества и антивещества разрушит изотропию микроволнового фона. Эта работа инициировала исследования возможных механизмов "рассасывания" доменных стенок. Возможные решения этой проблемы описаны в недавней работе [94].

Вычисление космологической концентрации слабо взаимодействующих реликтовых частиц во Вселенной было проведено М.И. Высоцким, А.Д. Долговым и Я.Б. Зельдовичем [95] в 1977 году. Практически одновременно появились анало-

гичные работы Б. Ли и С. Вайнберга (США), Хута (Нидерланды) и К. Сато и М. Кобаяши (Япония)). Результаты этих работ являются основополагающими при расчетах плотности массивных частиц темной материи, в частности, нейтрино.

А.Д. Долговым и Я.Б. Зельдовичем в 1980 году был написан широко известный обзор "Космология и элементарные частицы"[96], содержащий значительное количество оригинальных результатов. Этот обзор в заметной степени инициировал развитие этой области, в частности, на Рочестерских конференциях появилась секция, повторяющая название обзора.

Значительный вклад в исследование проявлений нейтрино в космологии был внесен А.Д. Долговым с соавторами. Было выведено кинетическое уравнение для матрицы плотности осциллирующих нейтрино [97], которое в настоящее время является основным инструментом при изучении эффектов нейтринных осцилляций в ранней вселенной и при взрыве сверхновых. На основе решения этого уравнения Барбиери и Долговым [98] были получены пионерские ограничения на параметры осцилляций нейтрино по наблюдаемым обилиям легких элементов. Этот результат был позднее обобщен на более реалистичный случай перемешивания всех активных нейтрино [99]. Кроме того, в цитированных выше работах [98], см. также [100], был разработан метод вычисления космологической концентрации стерильных нейтрино, который лежит в основе вычислений плотности теплой темной материи, если она состоит из стерильных нейтрино. Этот метод получил название метода Додельсона-Видроу по более поздней работе указанных авторов. В работах [101] был обнаружен новый эффект разогрева нейтрино за счет поздней аннигиляции более горячих электронно-позитронных пар. Согласно результатам этих работ стало общепринятым, что каноническое эффективное число типов нейтрино в космологии не три, как можно бы наивно ожидать, а 3.046. Долговым с соавторами было получено наиболее сильное ограничение на химический потенциал космологических нейтрино [102], которое исключает влияние нейтринного вырождения на структуру вселенной и СМВ, как считалось до того.

А.Д. Долговым с соавторами проведены пионерские вычисления по разогреву вселенной после инфляции, как в рамках теории возмущений [103], так и непертурбативно [104].

В работе Блиникова с соавторами [105] был предложен новый метод прямого определения параметра Хаббла, основанный на наблюдении сверхновых типа II_p. Этот метод свободен от неоднозначностей классического подхода к построению лестницы космических расстояний. Его применение к известным сверхновым, расстояние до которых было надежно измерено другими способами, показало замечательное согласие нового подхода с традиционными.

В цикле работ Долгова с соавторами изучалась теория модифицированной $F(R)$ гравитации, предложенной в качестве одого из возможных механизмов объяснения

ускоренного расширения вселенной. Был открыт эффект сильной неустойчивости большого класса таких теорий [106], получивший в литературе название неустойчивости Долгова-Кавасаки. В результате потребовалось изменение модифицированных теорий, чтобы избежать этой неустойчивости. При дальнейших исследованиях таких теорий был открыт целый ряд новых явлений, таких как: высокочастотные осцилляции скаляра кривизны R [107], антигравитация (гравитационное отталкивание) в системах конечного размера [108], новые эффекты в гравитационной неустойчивости, отличающиеся от известной неустойчивости Джинса [109]. Проверка этих предсказаний позволит либо однозначно подтвердить модель, либо получить ограничения на ее параметры, либо даже отвергнуть ее.

Кинетика и термодинамика

После открытия в 1964 году нарушения СР в распадах К-мезонов стало практически очевидным, что в силу СРТ-теоремы также нарушается Т-инвариантность, т.е. инвариантность относительно обращения времени. Тогда возник вопрос о справедливости канонических равновесных распределений в квантовой статистике, которые стандартным образом выводились на основе условия детального баланса, следующего из Т-инвариантности. В работе А.Д. Долгова [110] в этой связи было показано, что "равновесная кинетика сильнее Т-нарушения". Унитарность S-матрицы обеспечивает справедливость стандартных равновесных распределений, хотя условие детального баланса и нарушается. Равновесие между прямыми и обратными реакциями достигается за счет нескольких цепочек реакций. По этой причине на смену детальному балансу при Т-нарушении приходит циклический баланс, как названо в цитируемой выше работе.

М.И.Высоцкий и В.А.Новиков поддержаны грантами РФФИ 14-02-00995, 16-02-00342 и НШ-6792.2016.2, А.Д.Долгов - грантом правительства РФ 11.Г34.31.0047.

-
- [1] Л.Б. Окунь, ЯФ **69**, №10, 1796 (2006).
  - [2] И.Я. Померанчук, Собрание научных трудов (Наука, Москва, 1972), т. 1-3.
  - [3] И. Померанчук, Изв. АН СССР, Сер. физ. **10**, 316 (1946).
  - [4] В. Берестецкий, ЖЭТФ **17**, 12 (1947).
  - [5] И.Померанчук, ДАН СССР **60**, 213 (1948).
  - [6] Л. Ландау, ДАН СССР **60**, 207 (1948).
  - [7] С.N. Yang, Phys. Rev. **77**, 242 (1950).
  - [8] В. Берестецкий, Л. Ландау, ЖЭТФ **19**, 673 (1949).
  - [9] В. Берестецкий, ЖЭТФ **19**, 1130 (1949).

- [10] M. Deutsch, E. Dulit, Phys. Rev. **84**, 601 (1951).
- [11] M. Baker, P. Marquard, A. Penin et al., Phys. Rev. Lett. **112**, 120407 (2014).
- [12] В. Берестецкий, ЖЭТФ **21**, 43 (1951).
- [13] А. Галанин, И. Померанчук, ДАН СССР **86**, 251 (1952).
- [14] С.Е. Carlson, Prog. Part. Nucl. Phys. **82**, 59 (2015), arXiv:1502.05314 (2015).
- [15] В.Б. Берестецкий, И.Я. Померанчук, ЖЭТФ **29**, 864 (1955).
- [16] В.В. Судаков, ЖЭТФ **30**, 87 (1956).
- [17] И. Померанчук, Я. Смородинский, Journ. Phys. USSR **9**, 97 (1945).
- [18] С.С. Герштейн, Я.Б. Зельдович, ЖЭТФ **57**, 654 (1969).
- [19] В.С. Попов, ЯФ **12**, 429 (1970); Письма в ЖЭТФ **11**, 254 (1970); ЖЭТФ **59**, 965 (1970).
- [20] Я.Б. Зельдович, В.С. Попов, УФН **105**, 403 (1971).
- [21] В.С. Попов, ЯФ **64**, 421 (2001); М.С. Маринов, В.С. Попов, В.Л. Столин, Письма в ЖЭТФ **19**, 76 (1974); V.L. Lysin, M.S. Marinov, V.S. Popov, Phys. Lett. B **69**, 141 (1977); B **91**, 20 (1980).
- [22] В.Н. Ораевский, А.И. Рез, В.Б. Семикоз, ЖЭТФ **72**, 820 (1977).
- [23] А.Е. Shabad, V.V. Usov, Phys. Rev. D **77**, 025001 (2008).
- [24] S.I. Godunov, B. Machet, M.I. Vysotaky, Phys. Rev. D **85**, 044058 (2012); S.I. Godunov, M.I. Vysotsky, Phys. Rev. D **87**, 124035 (2013).
- [25] Л.В. Келдыш, ЖЭТФ **47**, 1945 (1964).
- [26] А.М. Переломов, В.С. Попов, М.В. Терентьев, ЖЭТФ **50**, 1393 (1966); **51**, 309 (1966).
- [27] Попов В С УФН **174**, 921 (2004); Popov V S Phys. Usp. **47**, 855 (2004).
- [28] Б.М. Карнаков, В.Д. Мур, С.В. Попруженко, В.С. Попов, УФН **185**, 3 (2015); В.С. Попов, В.Д. Мур, Н.Б. Нарожный, С.В. Попруженко, ЖЭТФ **149**, №3 (2016).
- [29] А.И. Ахиезер, В.Б. Берестецкий, Квантовая электродинамика (Наука, Москва, 1953; 1959; 1969; 1981).
- [30] В.Б. Берестецкий, Е.М. Лифшиц, Л.П. Питаевский, Релятивистская квантовая теория, 4 том Теоретической физики Л.Д. Ландау и Е.М. Лифшица (Наука, Москва, 1968); Квантовая электродинамика (Физматлит, Москва, 2001).
- [31] Л.Д. Ландау, И.Я. Померанчук, ДАН СССР **102**, 489 (1955).
- [32] И.Я. Померанчук, ДАН СССР **105**, 461 (1955).
- [33] I.Ya. Pomerenchuk, V.V. Sudakov, K.A. Ter-Martirosyan, Phys. Rev. **103**, 784 (1956).
- [34] В.С. Ваняшин, М.В. Терентьев, ЖЭТФ **48**, 565 (1965).
- [35] А.А. Ансельм, ЖЭТФ **36**, 363 (1959).
- [36] И.Б. Хриплович, ЯФ **10**, 409 (1969).
- [37] H.D. Politzer, Phys. Rev. Lett. **30**, 1346 (1973); Phys. Rep. **14**, 129 (1974).
- [38] D.J. Gross, F. Wilczek, P.R.L. **30**, 1343 (1973); Phys. Rev. D **8**, 3633 (1973); D **9**, 980 (1974).

- [39] S. Adler, Phys. Rev. **177**, 2426 (1969).
- [40] М.В. Терентьев, Письма в ЖЭТФ **14**, 140 (1971).
- [41] M.V. Terent'ev, Phys. Lett. **38** B, 419 (1972).
- [42] Yu.M. Antipov, Phys. Rev. D **36**, 21 (1987).
- [43] J. Wess, B. Zumino, Phys. Lett. **37** B, 95 (1971).
- [44] E. Witten, Nucl. Phys. B **223**, 422 (1983).
- [45] А.Д. Долгов, В.И. Захаров, ЯФ **13**, 608 (1971).
- [46] S. Coleman, E. Witten, Phys. Rev. Lett. **45**, 100 (1980).
- [47] Б.Л. Иоффе, Л.Б. Окунь, А.П. Рудик, ЖЭТФ **32**, 396 (1957).
- [48] T.D. Lee, C.N. Yang, R. Oehme, Phys. Rev. **106**, 340 (1957).
- [49] Л.Д. Ландау, ЖЭТФ **32**, 405 (1957); ЖЭТФ **32**, 407 (1957).
- [50] Л.Б. Окунь, Б.М. Понтекорво, ЖЭТФ **32**, 1587 (1957).
- [51] L.B. Okun, Proceedings of 1960 ICHEP, Rochester, p. 743 (1960).
- [52] Б.Л. Иоффе, Е.П. Шабалин, ЯФ **6**, 828 (1967).
- [53] М.И. Высоцкий, ЯФ **31**, 1535 (1980).
- [54] T. Inami, C.S. Lim, Prog.Theor.Phys. **65**, 297 (1981).
- [55] T. Inami, C.S. Lim, Prog.Theor.Phys. **65**, 1772 (1981).
- [56] Л.Б. Окунь, ЖЭТФ **34**, 469 (1958).
- [57] И.Ю. Кобзарев, Л.Б. Окунь, ЖЭТФ **42**, 1400 (1962).
- [58] Л.Б. Окунь, Слабое взаимодействие элементарных частиц (ГИФМЛ, Москва, 1963).
- [59] Л.Б. Окунь, Лептоны и кварки (Наука, Москва, 1980, 1990).
- [60] М.В. Терентьев, ЖЭТФ **44**, 1321 (1963).
- [61] M. Ademollo, R.Gatto Phys. Rev. Lett. **13**, 264 (1964).
- [62] М.Б. Волошин, И.Ю. Кобзарев, Л.Б. Окунь, ЯФ **20**, 1229 (1974).
- [63] А.И. Вайнштейн, В.И. Захаров, М.А. Шифман, ЖЭТФ **72**, 1275 (1977).
- [64] P. Sikivie, L. Susskind, M.V. Voloshin, V.I. Zakharov, Nucl. Phys. B **173**, 189 (1980).
- [65] Е.П. Шабалин, ЯФ **28**, 151 (1978).
- [66] I.V. Khriplovich, Phys. Lett. **173** B, 193 (1986).
- [67] И.Ю. Кобзарев, Б.В. Мартемьянов, Л.Б. Окунь, М.Г. Щепкин, ЯФ **32**, 1590 (1980).
- [68] М.Б. Волошин, М.И. Высоцкий, ЯФ **44**, 845 (1986).
- [69] М.Б. Волошин, М.И. Высоцкий, Л.Б. Окунь, ЖЭТФ **91**, 754 (1986).
- [70] Б.Л. Иоффе, В.А. Хозе, ЭЧАЯ **9**, 118 (1978).
- [71] V.A. Novikov, L.B. Okun, M.I. Vysotsky, Nucl. Phys. B **397**, 35 (1993).
- [72] М.И. Высоцкий, В.А. Новиков, Л.Б. Окунь, А.Н. Розанов, УФН **166**, 539 (1996);
Vysotskii M I, Novikov V A, Okun L B, Rozanov A N, Phys. Usp. **39**, 503 (1996).
- [73] V.A. Novikov, L.B. Okun, A.N. Rozanov, M.I. Vysotsky, Rept. Prog. Phys. **62**, 1275 (1999).
- [74] И.Я. Померанчук, ЖЭТФ **34**, 725 (1958).

- [75] V.N. Gribov and I.Ya. Pomeranchuk, Phys. Rev. Lett. **8**, 343 (1962); В.Н. Грибов, И.Я. Померанчук, ЖЭТФ **42**, 1141 (1962); **43**, 1970 (1962).
- [76] V.A. Novikov, M.A. Shifman, A.I. Vainshtein, V.I. Zakharov, Annals Phys. **105**, 276 (1977).
- [77] V.A. Novikov, M.A. Shifman, A.I. Vainshtein, V.I. Zakharov, Phys. Rev. D **16**, 223 (1977).
- [78] А.И. Вайнштейн, М.Б. Волошин, В.И. Захаров, В.А. Новиков, Л.Б. Окунь, М.А. Шифман, УФН **123**, 217 (1977);
- [79] V.A. Novikov, L.B. Okun, M.A. Shifman, A.I. Vainshtein, M.B. Voloshin, V.I. Zakharov, Phys. Rep. **41**, 1 (1978).
- [80] V.A. Shifman, A.I. Vainshtein, V.I. Zakharov, Nucl. Phys. B **147**, 385, 448, 519 (1979).
- [81] B.L. Ioffe, Nucl. Phys. B **188**, 317 (1981); В.М. Беляев, Б.Л. Иоффе, ЖЭТФ **83**, 876 (1972); V.L. Eletsky, Ya.I. Kogan, Z. Phys. C **28**, 155 (1984); B.L. Ioffe, A.V. Smilga, Nucl. Phys. B **232**, 109 (1984).
- [82] М.Б. Волошин, Л.Б. Окунь. Письма в ЖЭТФ **23**, 369 (1977).
- [83] C. Manhart, Yu.S. Kalashnikova, A.E. Kudryavtsev, A.V. Nefediev, Phys. Rev. D **85**, 011501 (2012); A.M. Badalian, Yu.A. Simonov, B.L.G. Baker, Phys. Rev. D **91**, 056001 (2015).
- [84] E.B. Bogomolny, Sov. J. Nucl. Phys. **24**, 449 (1976); Yad. Fiz. **24**, 861 (1976).
- [85] V.A. Novikov, M.A. Shifman, A.I. Vainshtein, V.I. Zakharov, Nucl. Phys. B **191**, 301 (1981).
- [86] V.A. Novikov, M.A. Shifman, A.I. Vainshtein, V.I. Zakharov, Nucl. Phys. B **223**, 445 (1983).
- [87] Е.М. Лифшиц, В.В. Судаков, И.М. Халатников, ЖЭТФ **40**, 1847 (1961).
- [88] В.И. Захаров, Письма в ЖЭТФ **12**, 447 (1970).
- [89] A.I. Vainshtein, Phys. Lett. **39** B, 393 (1972).
- [90] Я.Б. Зельдович, Л.Б. Окунь, С.В. Пикельнер, УФН, **84**, 113 (1965).
- [91] И.Ю. Кобзарев, Л.Б. Окунь, И.Я. Померанчук, Ядерная Физика, **3**, 1154 (1966).
- [92] С.И. Блинников, УФН, **184**, 194 (2014).
- [93] Я.Б. Зельдович, И.Ю. Кобзарев, Л.Б. Окунь, ЖЭТФ, **40**, 1 (1974); I.Yu. Kobzarev, L.B. Okun, Ya.B. Zeldovich. Phys. Lett. **B50**, 340 (1974).
- [94] A.D. Dolgov, S.I. Godunov, A.S. Rudenko, I.I. Tkachev, JCAP **1510**, 10, 027 (2015).
- [95] М.И. Высоцкий, А.Д. Долгов, Я.Б. Зельдович, Письма в ЖЭТФ **26**, 200 (1977).
- [96] А.Д. Долгов, Я.Б. Зельдович, УФН, **139**, 559 (1980); Rev. Mod. Phys. **53**, 1 (1981).
- [97] А.Д. Долгов, Ядерная Физика, **33**, 1309 (1981).
- [98] R. Barbieri, A.D. Dolgov, Phys. Lett. **B237**, 440 (1990); Nucl. Phys. **B349**, 743 (1991).
- [99] A.D. Dolgov, F.V. Villante, Nucl. Phys. **B679**, 261 (2004).
- [100] A.D. Dolgov, Phys. Repts. **370**, 333 (2002).
- [101] A.D. Dolgov, M. Fukugita, Письма в ЖЭТФ, **56**,129 (1992); Phys.Rev. **D46**, 5378

(1992);

A.D. Dolgov, S.H. Hansen, D.V. Semikoz, Nucl. Phys. **B503**, 426 (1997); Nucl. Phys. **B543**, 269 (1999);

[102] A.D. Dolgov, et al Nucl.Phys. **B632**, 363 (2002).

[103] A.D. Dolgov, A.D. Linde, Phys. Lett.**B116**, 329 (1982).

[104] А.Д. Долгов, Д.П. Кирилова. Ядерная Физика, **51**, 273 (1990).

[105] P.V. Baklanov, S.I. Blinnikov, M. Sh. Potashov, A.D. Dolgov, Письма в ЖЭТФ, **98**, 489 (2013).

[106] A.D. Dolgov, M Kawasaki, Phys. Lett.**B573**, 1 (2003).

[107] E.V. Arbuzova, A.D. Dolgov, Phys. Lett. **B700**, 289 (2011); E.V. Arbuzova, A.D. Dolgov, L. Reverberi, Eur. Phys. J. **C72**, 2247 (2012).

[108] E.V. Arbuzova, A.D. Dolgov, L. Reverberi, Astropart. Phys. **54**, 44 (2014) 44.

[109] . E.V. Arbuzova, A.D. Dolgov, L. Reverberi, Phys. Lett. **B739**, 279 (2014).

[110] А.Д. Долгов, Письма в ЖЭТФ, **29**, 254 (1979).